

ДЖОЗЕФ НАЙ

МЯГКАЯ МОЩЬ

КАК Я СПОРИЛ
С БЖЕЗИНСКИМ
И КИССИНДЖЕРОМ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Джозеф Най

**Мягкая мощь. Как я спорил с
Бжезинским и Киссинджером**

«Алисторус»

УДК 303
ББК 66.2

Най Д.

Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером /
Д. Най — «Алисторус», — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00222-217-9

Джозеф Най — один из главных стратегов американской внешней политики, теоретик неолиберализма, стоящий в одном ряду с Соросом, Бжезинским и Рейганом. Именно он в девяностые-нулевые годы создал современную доктрину американской внешней политики, разработал концепцию «мягкой силы», подготовил вторжения в Ирак и Ливию, а также способствовал превращению инструмента санкций в полноценное оружие против нелояльных мировому гегемону народов. В то же время, Най — один из самых проницательных американских политологов современности, большой специалист в области дипломатии. Ещё в начале нулевых годов он предугадал восстановление Российской военной мощи, усиление Китая и становление многополярного мира. Это его главная книга, никогда раньше не издававшаяся на русском языке. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 303

ББК 66.2

ISBN 978-5-00222-217-9

© Най Д.

© Алисторус

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Американский колосс	12
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джозеф Най
Мягкая мощь. Как я спорил с
Бжезинским и Киссинджером

© Джозеф Най, 2023

© Перевод: Нигматулин М.В., Катайцева Э.С., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Предисловие

Трагедия 11 сентября 2001 года стала для американцев тревожным сигналом. В 1990-е годы мы стали самодовольными. После распада Советского Союза ни одна страна не могла сравниться с нами или уравновесить нас. Мы обладали непревзойденной глобальной военной, экономической и культурной мощью. Война в Персидском заливе в начале десятилетия была легкой победой, а в конце десятилетия мы бомбили Сербию, не понеся ни одной потери. Экономика росла, фондовый рынок переживал бум. Мы напоминали Великобританию середины викторианской эпохи, но с еще большим глобальным охватом.

Но американцы были в большинстве своем равнодушны и не знали, как сформировать внешнюю политику, чтобы направить эту мощь. Опросы общественного мнения показывали, что американская общественность сосредоточена на внутренних делах и не уделяет должного внимания остальному миру. В период с 1989 по 2000 г. телевизионные сети закрыли зарубежные бюро и на две трети сократили содержание зарубежных новостей. Руководители телекомпаний обнаружили, что «молодые взрослые больше заботятся о диете Zone, чем о тонкостях ближневосточной дипломатии». Президент MSNBC обвинил «национальный туман материализма, дезинтеграции и избегания». А многие из тех американцев, кто все же уделял внимание внешней политике, стали высокомерно относиться к своему могуществу, утверждая, что нам нет необходимости прислушиваться к мнению других стран. Мы казались себе одновременно и непобедимыми, и неуязвимыми.

Все изменилось 11 сентября. Направление изменений, если не время, можно было предвидеть. В начале года в итоговом докладе комиссии по национальной безопасности, возглавляемой бывшими сенаторами Гэри Хартом и Уорреном Рудманом, содержалось предупреждение о том, что военное превосходство Америки не защитит нас от враждебных нападений на нашу родину: «Американцы, скорее всего, погибнут на американской земле, возможно, в большом количестве». Доклад был в значительной степени проигнорирован. В 1997 г. мы с Джеймсом Вулси писали, что высший приоритет в политике национальной безопасности США должен быть отдан катастрофическому терроризму, но мы опасались, что «сама природа американского общества затрудняет подготовку к этой проблеме. Из-за нашего «менталитета Перл-Харбора» мы вряд ли сможем организовать эффективную защиту до тех пор, пока не подвергнемся нападению.

Террористическая атака стала ужасным симптомом более глубоких изменений, происходящих в мире. Как я покажу в главе 2, технологическая революция в области информации и коммуникаций приводит к тому, что власть уходит от правительств, а отдельные лица и группы получают возможность играть в мировой политике такие роли, которые раньше были уделом только правительств государств, включая нанесение массовых разрушений. Приватизация усиливается, а терроризм – это приватизация войны. Более того, процессы глобализации сокращают расстояния, и события в далеких странах, таких как Афганистан, оказывают все большее влияние на жизнь американцев. Мир переходит от эпохи холодной войны к глобальному информационному веку, но до недавнего времени американские взгляды и политика не шли в ногу со временем.

Теракт 11 сентября 2001 года

Как нам быть дальше? Американцы до сих пор ломают голову над тем, как лучше сочетать нашу мощь и наши ценности, снижая при этом нашу уязвимость. Будучи самой крупной державой в мире, мы вызываем у некоторых, особенно в мусульманском мире, как тоску, так и ненависть. Как сказал один пакистанский врач и религиозный лидер, «вы слепы ко всем, кто находится за вашими границами... Америка – самый большой в мире хулиган». Стоит ли удивляться, что многие ликуют, когда у этого задиры в конце концов оказывается окровавленный нос?» В то же время эта трагедия вызвала огромный подъем симпатии к США в большинстве стран мира.

Некоторые американцы склонны считать, что мы можем уменьшить эту ненависть и нашу уязвимость, если выведем свои войска, свернем наши союзы и будем проводить более изоляционистскую внешнюю политику.

Изоляционизм не устранил нашу уязвимость. Террористы, совершившие нападение 11 сентября, не только стремятся уменьшить мощь Америки, но и, по словам короля Иордании Абдаллы, «хотят разрушить ткань США. Они хотят разрушить то, за что выступает Америка». Даже если бы мы проводили более слабую внешнюю политику, такие группы возмущались бы мощью американской экономики, которая по-прежнему простирается далеко за пределы наших берегов. Американские корпорации и граждане представляют глобальный капитализм, который для некоторых является анафемой.

Кроме того, американская популярная культура имеет глобальный охват независимо от того, что мы делаем. Невозможно избежать влияния Голливуда, CNN и Интернета. Американ-

ские фильмы и телевидение выражают свободу, индивидуализм и перемены (а также секс и насилие). В целом глобальный охват американской культуры способствует укреплению нашей «мягкой силы» – нашей культурной и идеологической привлекательности. Но не для всех. Индивидуализм и свободы привлекательны для многих людей, но отталкивают некоторых, особенно фундаменталистов. Американский феминизм, открытая сексуальность и индивидуальный выбор глубоко подрывают патриотические устои общества. Сообщается, что один из пилотов-террористов заявил, что ему не нравятся Соединенные Штаты, потому что они «слишком расхлябанные. Я могу идти куда хочу, и они не смогут меня остановить». Некоторые тираны и фанатики всегда будут ненавидеть нас за наши ценности открытости и возможностей, и у нас не будет другого выбора, кроме как бороться с ними с помощью более эффективной антитеррористической политики. Но эти твердые самородки ненависти вряд ли станут катализатором более широкой ненависти, если мы не откажемся от наших ценностей и не будем проводить высокомерную и властную политику, позволяющую экстремистам апеллировать к большинству в центре.

Какой политикой должна руководствоваться наша держава и сможем ли мы ее сохранить? Соединенные Штаты сравнивают с Римской империей, но даже Рим в конце концов рухнул. Десятилетие назад обычная мудрость сетовала на то, что Америка находится в упадке. В списках бестселлеров появились книги, описывающие наше падение. На обложке популярного журнала была изображена Статуя Свободы со слезой, стекающей по щеке. Япония съела наш обед и скоро заменит нас на первом месте. В то время эта точка зрения была ошибочной, и я говорил об этом. Когда в 1989 г. я написал книгу «Привязанные к лидерству», я предсказывал дальнейший рост американской мощи. Но сила имеет свои недостатки.

В ходе своей предвыборной кампании президент Джордж Буш-старший сказал: «Если мы будем высокомерной нацией, то они будут воспринимать нас именно так, но если мы будем смиренной нацией, то они будут уважать нас». Он был прав, но, к сожалению, многие иностранцы воспринимали США в 2001 г. как высокомерную страну, озабоченную узкими американскими интересами в ущерб остальному миру. Они видели, что мы сосредоточились на жесткой силе нашей военной мощи, а не на мягкой силе, отвернувшись от многих международных договоров, норм и переговорных форумов. По их мнению, США использовали консультации для того, чтобы говорить, а не слушать. А ведь эффективное лидерство требует диалога с последователями. Американское лидерство будет более устойчивым, если мы сможем убедить наших партнеров в том, что мы чувствительны к их проблемам. Сентябрь 2001 г. стал началом такого учета, но только началом.

Проблема носит не только партийный характер. Президент Буш заявил, что он не является сторонником односторонних действий, а президент Клинтон первоначально провозгласил «напористую многосторонность», но впоследствии отказался от миротворческих усилий ООН. Он также не смог довести до конца многие из своих многосторонних инициатив. Одна из причин заключалась в том, что американцы были внутренне озабочены и относительно равнодушны к нашей исключительной роли в мире. И республиканцы, и демократы в Конгрессе в значительной степени отвечали внутренним интересам и часто относились к внешней политике как к продолжению внутренней политики. Конгресс пытался принимать законы за весь остальной мир и вводил санкции, когда другие не соблюдали американские законы – например, в отношении торговли с Ираном или Кубой. За последнее десятилетие Конгресс не только отказался ратифицировать более десятка договоров и конвенций, но и сократил объем иностранной помощи, не выплачивал взносы в ООН и другие межнациональные организации, сократил расходы Госдепартамента и упразднил Информационное агентство США. Мы должны быть лучше.

Не только я предупреждаю об опасности внешней политики, сочетающей в себе односторонность, высокомерие и парохизм. Ряд американских приверженцев реалистической

теории международных отношений также выражают обеспокоенность по поводу устойчивости Америки. На протяжении всей истории человечества возникали коалиции стран, которые уравновешивали доминирующие державы, и поиск новых государств-претендентов еще не завершен. Одни видят в Китае нового врага, другие – в России.

Другие считают, что объединяющаяся Европа станет национальным государством, которое бросит нам вызов в борьбе за первенство. Но, как я покажу, хотя у реалистов есть своя точка зрения, они в значительной степени лают не на то дерево.

На самом деле реальные вызовы нашему могуществу приходят по ночам на кошачьих лапах, и, по иронии судьбы, наше стремление идти в одиночку может в конечном итоге ослабить нас. Современная информационная революция и ее пристальное внимание к глобализации трансформируют и сжимают наш мир. В начале нового века эти две силы увеличили американскую мощь, включая нашу способность влиять на других с помощью привлекательной или «мягкой» силы. Но со временем технологии распространятся на другие страны и народы, и наше относительное превосходство будет уменьшаться. Например, сегодня на нашу двадцатую часть мирового населения приходится более половины Интернета. Многие считают, что через десяток-другой лет доминирующим языком Интернета станет китайский. Он не оттеснит английский как лингва франка, но в какой-то момент азиатский рынок станет больше американского. Или вот еще пример: в международной торговле и антимонопольных вопросах Евросоюз уже уравновешивает американскую экономическую мощь, а экономическая и «мягкая» мощь Евросоюза в ближайшие годы, скорее всего, будет только возрастать.

Еще более важно то, что информационная революция создает виртуальные сообщества и сети, выходящие за рамки национальных границ. Транснациональные корпорации и неправительственные организации (в том числе и террористы) будут играть все большую роль. Многие из этих организаций будут обладать собственной «мягкой силой», поскольку они привлекают наших граждан в коалиции, не признающие государственных границ. По словам одного из ведущих американских дипломатов, неправительственные организации являются «огромной и важной силой... Во многих вопросах американской политики, от прав человека до охраны окружающей среды, НПО фактически являются движущей силой». По традиционным меркам «жесткой силы», по сравнению с другими странами, США останутся номером один, но быть номером один будет уже не то, что раньше.

Глобализация – рост сетей всемирного взаимопроникновения – ставит новые вопросы в нашу национальную и международную повестку дня, хотим мы этого или нет. Многие из этих вопросов мы не можем решить в одиночку. Международная финансовая стабильность жизненно важна для процветания американцев, но для ее обеспечения нам необходимо сотрудничество с другими странами.

Глобальное изменение климата также повлияет на качество жизни американцев, но мы не можем справиться с этой проблемой в одиночку. И в мире, где границы становятся как никогда проницаемыми для всего – от наркотиков до инфекционных заболеваний и терроризма, мы вынуждены сотрудничать с другими странами как за их границами, так и внутри наших. Перефразируя название моей предыдущей книги, можно сказать, что мы обязаны не только руководить, но и сотрудничать.

Чем же мы должны руководствоваться в своей внешней политике в эпоху глобальной информации? Некоторые участники нынешних внешнеполитических дебатов, глядя на наше превосходящее могущество, видят в нем современную империю. Например, самозваные неорейгановцы выступают за внешнюю политику «доброкачественной американской гегемонии». Поскольку американские ценности хороши и у нас есть военная мощь, мы не должны чувствовать себя сдерживаемыми другими. По их мнению, «американцы должны понимать, что их поддержка американского превосходства – это такой толчок международной справедливости,

на который способен любой народ. Это также благо для американских интересов и для того, что можно назвать американским духом».

Однако многие консервативные реалисты, а также либералы считают, что подобные взгляды несут в себе гордыню и высокомерие, которые отталкивают наших друзей. Американцы всегда считали свою страну исключительной, но даже в нашей Декларации независимости выражалось «достойное уважение к мнению человечества». Если мы действительно действуем в интересах как других, так и своих собственных, то, как можно предположить, мы должны предоставить другим существенное право голоса и, таким образом, в конечном итоге принять некую форму мультилат-нерализма. Как отмечают наши союзники, даже благонамеренные американцы не застрахованы от знаменитого предупреждения лорда Актона о том, что власть может разрушиться. Как мы увидим в главе 5, научиться определять наши национальные интересы с учетом глобальных интересов будет иметь решающее значение для долговечности нашей власти и для того, будут ли другие воспринимать гегемонию как благотворную или нет.

Американцы расходятся во мнениях относительно того, как следует взаимодействовать с остальным миром. В конце холодной войны многих наблюдателей преследовал призрак возвращения американского изоляционизма. Однако сегодня споры ведутся не только между изоляционистами и интернационалистами, но и внутри интернационалистского лагеря, который расколот на односторонников и многосторонников. Одни призывают к новому унилатерализму, при котором мы отказываемся играть роль покорного международного гражданина, а открыто преследуем собственные цели. Они говорят об однополярном мире, поскольку наша военная мощь не имеет себе равных.

На последующих страницах мы увидим, что сама по себе военная мощь не может привести к желаемым результатам по многим вопросам, которые важны для американцев.

Как бывший помощник министра обороны, я последним буду отрицать непреходящее значение военной мощи. Наша военная роль крайне важна для глобальной стабильности. И вооруженные силы являются частью нашего ответа на терроризм. Но мы не должны позволять метафоре войны ослепить нас тем фактом, что для подавления терроризма потребуются годы терпеливой, незрелищной работы, включая тесное гражданское сотрудничество с другими странами. По многим ключевым вопросам, таким как международная финансовая стабильность, контрабанда наркотиков или глобальное изменение климата, военная мощь просто не может привести к успеху, а иногда ее использование может быть контрпродуктивным. Как сказал отец президента Буша после сентябрьской трагедии, «как Перл-Харбор пробудил нашу страну от мысли, что мы можем как-то уклониться от выполнения долга и защищать свободу в Европе и Азии во время Второй мировой войны, так и это последнее внезапное нападение должно стереть в некоторых кругах представление о том, что Америка может как-то в одиночку бороться с терроризмом или с чем-либо ещё».

Первоначальная реакция американцев последовала этому совету. Конгресс уверенно одобрил выплату крупных взносов и утвердил нашего посла в ООН. Президент обратился к ООН за поддержкой и подчеркнул важность создания коалиции. Казначейство и Белый дом, которые ранее выступали против международного сотрудничества в области налоговых гаваней, отмывающих деньги, быстро стали сторонниками сотрудничества. Однако односторонность еще далеко не изгнана. «Поначалу Пентагон даже не хотел, чтобы НАТО ссылались на положение о взаимной обороне альянса. Союзники отчаянно пытались обеспечить нам политическое прикрытие, а Пентагон упирался. В конце концов министр обороны Дональд Рамсфелд понял, что это плюс, а не минус, и смог согласиться на это». Другие официальные лица, однако, опасались, что коалиции сковывают США и что обращение к международному авторитету ООН или НАТО создаст плохой прецедент. Внутренние дебаты о том, как реализовать доктрину Буша об искоренении терроризма, вызвали в других странах опасения, что США

будут в одностороннем порядке решать, поддерживает ли та или иная страна терроризм и каковы должны быть методы борьбы с ним.

Любой отход к традиционной политике, ориентированной на однополярность, гегемонию, суверенитет и односторонность, не даст нужных результатов, а сопутствующее ему высокомерие приведет к эрозии мягкой силы, которая часто является частью решения. Мы не должны позволять иллюзии эмпиризма ослеплять нас в отношении растущего значения нашей «мягкой силы».

Как мы должны действовать в этот период беспрецедентного могущества и опасности? Можем ли мы научиться использовать нашу жесткую и мягкую силу в продуктивной комбинации, чтобы не только победить терроризм, но и решить другие проблемы глобального информационного века? Можем ли мы разумно использовать наше лидерство в эти годы в начале века, чтобы создать основу для долгосрочной перспективы? Можем ли мы продвигать и обеспечивать наши базовые ценности – свободу и демократию? Соответствуют ли наши внутренние установки и институты этому вызову, или мы растратим свое преимущество из-за невнимательности или безрассудства? Почему нам так трудно определить наши национальные интересы в этот глобальный информационный век?

Эта книга изначально планировалась как сигнал тревоги для американцев, а также как предложение, как использовать наше беспрецедентное могущество. Теперь сигнал тревоги прозвучал гораздо эффективнее, чем это могло бы сделать любое перо, но нам все еще необходимо определить, как использовать нынешние десятилетия нашего превосходства для продвижения долгосрочных национальных и глобальных интересов. Нашим историческим испытанием станет выработка консенсуса по принципам и нормам, которые позволят нам сотрудничать с другими странами для обеспечения политической стабильности, экономического роста и демократических ценностей. Американская мощь не вечна. Если мы растратим нашу «мягкую силу», сочетая высокомерие и безразличие, мы увеличим нашу уязвимость, продадим наши ценности и ускорим эрозию нашего превосходства.

В заключение я хочу подчеркнуть, что эту книгу не следует читать прежде всего как ответ на террористические атаки на нашу страну, хотя в ней действительно есть что сказать по этому поводу. Моя озабоченность глубже, чем террористические атаки, какими бы ужасными они ни были. Речь идет о будущем Америки – о том, как мы можем приумножить и использовать силу, исходящую из наших глубочайших ценностей, и как мы должны противостоять главным вызовам, которые стоят перед нами в глобальную информационную эпоху.

Глава 1. Американский колосс

Со времен Рима ни одна страна не возвышалась так над другими. По словам журнала *The Economist*, «Соединенные Штаты, словно колосс, бороздят земной шар. Они доминируют в бизнесе, торговле и коммуникациях, их экономика является самой успешной в мире, а военная мощь не имеет себе равных». Министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин в 1999 г. утверждал, что Соединенные Штаты вышли за рамки своего статуса сверхдержавы XX века. «Сверхдержавность США сегодня распространяется на экономику, валюту, военные районы, образ жизни, язык и продукты массовой культуры, которые заполнили весь мир, формируя мышление и очаровывая даже врагов США». Или, как выразились два американских триумфатора: «Современная международная система построена не на балансе сил, а на американской гегемонии». По мере роста глобальной взаимозависимости многие утверждают, что глобализация является лишь маскировкой для американского империализма. Немецкий журнал *Der Spiegel* писал, что «американские иконы и иконы формируют мир от Катманду до Киншасы, от Каира до Каракаса. Глобализация носит ярлык «Made in USA».

Соединенные Штаты, безусловно, являются державой номер один в мире, но как долго может продолжаться такая ситуация и что нам с ней делать?

Некоторые эксперты и ученые утверждают, что наше превосходство – это всего лишь результат распада Советского Союза и что «однополярный мир» будет недолгим. Наша стратегия должна заключаться в том, чтобы сохранить свою силу и лишь выборочно взаимодействовать с миром. Другие утверждают, что могущество Америки настолько велико, что оно сохранится на десятилетия, и однополярный момент может превратиться в однополярную эру. Чарльз Краутхаммер в начале 2001 г. утверждал, что «после десятилетия игры Прометея в пигмея первая задача новой администрации – вновь утвердить американскую свободу действий». Мы должны отказаться играть в «покорного международного гражданина»... Новый унилатерализм признает уникальность однополярного мира, в котором мы сейчас живем, и тем самым знаменует собой реальное начало американской внешней политики после холодной войны».

Еще до сентября 2001 г. этот рецепт был оспорен многими, как либералами, так и консерваторами, которые считают себя реалистами и полагают, что это почти закон природы в международной политике: если одна страна становится слишком сильной, другие объединяются, чтобы уравновесить ее мощь. По их мнению, нынешнее господство Америки недолговечно. В качестве доказательства они могут привести слова индийского журналиста, призывающего создать стратегический треугольник, объединяющий Россию, Индию и Китай, «чтобы обеспечить противовес в том, что сейчас выглядит как опасно однополярный мир», или президента Венесуэлы, заявившего на конференции производителей нефти, что «век должен быть многополярным, и мы все должны добиваться развития такого мира». В ближайшие несколько десятилетий Китай с населением до 1,2 млрд. человек, сильно растущей экономикой и, возможно, все еще авторитарным правительством почти наверняка попытается продвигать свои интересы... Рано или поздно какой-нибудь сильный и честный человек соберет пост-ельцинскую Россию, и вновь появится еще один претендент на мировое влияние». На мой взгляд, несмотря на терроризм, американское превосходство сохранится еще долгое время – но только если мы научимся разумно использовать свою силу.

Предсказать расцвет и падение наций, как известно, нелегко. В феврале 1941 года издательский магнат Генри Люс смело провозгласил «американский век». Однако к 1980-м годам многие аналитики считали, что видение Люса исчерпало себя, став жертвой таких виновников, как Вьетнам, замедляющаяся экономика и имперское перенапряжение. В 1985 г. экономист Лестер Туроу задал вопрос, почему, когда Рим продержался тысячу лет в качестве государства

и империи, мы опускаемся всего через пятьдесят лет. Опросы общественного мнения показали, что половина населения согласна с тем, что нация теряет свою мощь и престиж.

Упадочники, заполнившие списки американских бестселлеров десять лет назад, были не первыми, кто пошел по ложному пути. После того как в XVIII веке Великобритания потеряла свои американские колонии, Горацій Уолпол сетовал на то, что она превратилась в «жалкий островок», такой же незначительный, как Дания или Сардиния. Его прогноз был обусловлен существовавшим тогда взглядом на колониальную торговлю, и он не смог предвидеть грядущую промышленную революцию, которая даст Великобритании второе столетие с еще большим превосходством. Точно так же американские упадочники не смогли понять, что «третья промышленная революция» вот-вот даст Соединенным Штатам «второе столетие».

С другой стороны, в мировой политике ничто не вечно. Столетие назад уровень экономической глобализации по некоторым меркам был столь же высок, как и сегодня. Мировые финансы опирались на золотой стандарт, иммиграция была на небывалом уровне, торговля росла, а Британия была империей, над которой никогда не заходило солнце. По словам автора Уильяма Пфаффа, «ответственные политические и экономические ученые в 1900 г., несомненно, описали бы перспективы двадцатого века как продолжение имперского соперничества в мире, где доминирует Европа, продолжительную патерналистскую опеку европейцев над своими азиатскими и африканскими колониями, прочное конституционное правление в Западной Европе, неуклонно растущее процветание, рост научных знаний, обращенных на пользу человечеству, и т. д.». Все это было бы не так». Разумеется, за этим последовали две мировые войны, великие социальные болезни тоталитарного фашизма и коммунизма, конец европейской империи и конец Европы как арбитра мировой власти. Экономическая глобализация была повернута вспять и вновь достигла уровня 1914 года только в 1970-е годы. Вполне возможно, что это может произойти снова.

Сможем ли мы добиться большего, вступая в XXI век? Апология Йоги Берры предостерегает нас от прогнозов, особенно относительно будущего. Однако у нас нет выбора. Мы ходим с картинками будущего в голове, что является необходимым условием планирования наших действий. На национальном уровне нам нужны такие картины, чтобы направлять политику и подсказывать, как использовать нашу беспрецедентную мощь. Разумеется, не существует единственного будущего, есть множество возможных вариантов, и качество нашей внешней политики может сделать одни из них более вероятными, чем другие. Когда системы включают в себя сложные взаимодействия и обратные связи, малые причины могут привести к большим последствиям. А когда в процесс вовлечены люди, реакция человека на сам прогноз может привести к тому, что он не сбудется.

Мы не можем надеяться предсказать будущее, но мы можем тщательно прорисовывать наши картины, чтобы избежать некоторых распространенных ошибок. Десятилетие назад более тщательный анализ американской мощи мог бы спасти нас от ошибочного портрета американского упадка. Совсем недавно точные прогнозы катастрофического терроризма не смогли предотвратить трагедию, которая вновь заставляет некоторых предвидеть упадок. Важно не допустить пороков как упадка, так и триумфализма. Деклинизм порождает излишнюю осторожность, которая может подорвать наше влияние, а триумфализм – потенциально опасное отсутствие напряженности, а также высокомерие, которое также растрчивает наше влияние. Тщательно проанализировав ситуацию, мы сможем принять более правильные решения о том, как защитить наш народ, продвигать наши ценности и вести к лучшему миру в ближайшие несколько десятилетий. Мы можем начать этот анализ с изучения источников нашего могущества.

В последние годы мы часто слышим о том, насколько могущественной стала Америка, но что мы понимаем под могуществом? Проще говоря, сила – это способность добиваться желаемых результатов и, если необходимо, изменять поведение других людей, чтобы это произошло.

Например, военная мощь НАТО позволила остановить этническую чистку Слободана Милошевича в Косово, а обещание экономической помощи разрушенной экономике Сербии переломило первоначальное нежелание сербского правительства выдать Милошевича Гаагскому трибуналу.

Способность добиваться желаемых результатов часто ассоциируется с обладанием определенными ресурсами, поэтому мы обычно используем сокращение и определяем власть как обладание относительно большим количеством ресурсов; таких элементов, как население, территория, природные ресурсы, экологическая мощь, военная сила, политическая стабильность. Власть в этом смысле означает владение старшими картами в международной игре в покер. Если вы показываете высокие карты, то другие, скорее всего, сбросят свои руки. Конечно, если вы плохо разыграете свою руку или станете жертвой блефа и обмана, вы все равно можете проиграть или, по крайней мере, не получить желаемого результата. Например, после Первой мировой войны США были крупнейшей державой, но не смогли предотвратить ни приход к власти Гитлера, ни Перл-Харбор. Превращение потенциальных силовых ресурсов Америки в реализованные требует продуманной политики и умелого руководства. Но начинать надо с козырей.

Традиционно проверкой великой державы была «сила для войны». Война была главной игрой, в которой разыгрывались карты международной политики и доказывались оценки относительной силы. С течением веков, по мере развития технологий, менялись источники силы. В аграрной экономике Европы XVII–XVIII вв. население было важнейшим ресурсом власти, поскольку оно обеспечивало базу для уплаты налогов и набора пехоты (в основном наемной), и это сочетание людей и денег давало преимущество Франции. Но в XIX веке растущая роль промышленности принесла выгоду сначала Великобритании, которая управляла волнами с помощью флота, не имевшего аналогов, а затем Германии, которая использовала эффективную администрацию и железные дороги для транспортировки армий для быстрых побед на континенте (хотя Россия имела большее население и армию). К середине XX века, с наступлением ядерной эры, США и СССР обладали не только промышленной мощью, но и ядерными арсеналами и межконтинентальными ракетами.

Сегодня основы власти отходят от акцента на военную силу и завоевания. Парадоксально, но одной из причин этого стало ядерное оружие. Как мы знаем из истории «холодной войны», ядерное оружие оказалось настолько мощным и разрушительным, что его применение стало слишком дорогостоящим, за исключением теоретически возможных экстремальных ситуаций. Вторым важным изменением стал рост национализма, который усложнил для императоров задачу управления пробудившимся населением. В XIX веке несколько авантюристов с горсткой солдат завоевали большую часть Африки, а Британия управляла Индией с помощью колониальных сил, составлявших ничтожную долю коренного населения. Сегодня колониальное господство не только широко осуждается, но и обходится слишком дорого, как показали обе сверхдержавы «холодной войны» во Вьетнаме и Афганистане. Распад советской империи последовал за распадом европейских империй на считанные десятилетия.

Третьей важной причиной являются социальные изменения внутри великих держав. Постиндустриальные общества ориентированы на благосостояние, а не на славу, и не приемлют больших потерь, за исключением случаев, когда речь идет о выживании. Это не означает, что они не будут применять силу, даже если это чревато потерями, как это было во время войны в Персидском заливе в 1991 году или в Афганистане сегодня. Но отсутствие воинской этики в современных демократических государствах означает, что применение силы требует тщательного морального обоснования для обеспечения поддержки населения (за исключением случаев, когда на карту поставлено выживание). Грубо говоря, в современном мире существует три типа стран: бедные, слабые доиндустриальные государства, часто представляющие собой хаотичные остатки распавшихся империй; модернизирующиеся индустриальные госу-

дарства, такие как Индия или Китай; постиндустриальные общества, преобладающие в Европе, Северной Америке и Японии. Применение силы является обычным делом в первом типе государств, еще приемлемым во втором, но уже менее терпимым в третьем. По словам британского дипломата Роберта Купера, «большое количество самых могущественных государств больше не хотят ни воевать, ни завоевывать». Война по-прежнему возможна, но сейчас она гораздо менее приемлема, чем столетие или даже полвека назад.

Наконец, для большинства современных великих держав применение силы поставило бы под угрозу их экономические цели. Даже недемократические страны, испытывающие меньше моральных ограничений на применение силы со стороны населения, вынуждены учитывать ее влияние на свои экономические цели. По словам Томаса Фридмана, в условиях глобализации экономики страны дисциплинируются «электронным стадом» инвесторов, контролирующих доступ к капиталу²². Ричард Роузкранс пишет: «В прошлом дешевле было захватить территорию другого государства силой, чем развивать сложный экономический и торговый аппарат, необходимый для получения выгоды от коммерческого обмена с ним». Императорская Япония использовала первый подход, создавая в 1930-х годах Сферу совместного процветания Большой Восточной Азии, но роль Японии как торгового государства после Второй мировой войны оказалась гораздо более успешной, что привело ее к превращению во вторую по величине национальную экономику в мире. Сейчас трудно представить себе сценарий, при котором Япония попыталась бы колонизировать своих соседей или преуспела бы в этом.

Как уже отмечалось выше, все это не означает, что военная сила не играет сегодня никакой роли в международной политике. С одной стороны, информационная революция еще не успела изменить большую часть мира. Многие государства не сдерживаются демократическими общественными силами, как Кувейт узнал от своего соседа Ирака, а террористические группы не обращают внимания на обычные ограничения либеральных обществ. Во многих регионах мира, где рухнувшие империи оставили после себя вакуум власти, идут гражданские войны. Более того, на протяжении всей истории человечества становление новых великих держав сопровождалось тревогами, которые иногда приводили к военным кризисам. По бессмертному описанию Фукидида, Пелопоннесская война в Древней Греции была вызвана приходом к власти Афин и страхом, который они вызвали в Спарте. Первая мировая война во многом была обусловлена приходом к власти кайзеровской Германии и страхом, который она вызвала в Великобритании. Некоторые предсказывают аналогичную динамику в этом веке, вызванную приходом к власти Китая и страхом, который он вызвал в Соединенных Штатах.

Геоэкономика не заменила геополитику, хотя в начале XXI века явно наблюдается размывание традиционных границ между ними. Игнорировать роль силы и центральную роль безопасности – все равно что игнорировать кислород. В обычных условиях кислорода много, и мы не обращаем на него внимания. Но как только условия меняются и нам начинает его не хватать, мы не можем сосредоточиться ни на чем другом. Даже в тех областях, где прямое применение силы не используется между странами – например, в Западной Европе или между США и Японией, – негосударственные субъекты, такие как террористы, могут применять силу. Более того, военная сила все еще может играть важную политическую роль среди развитых стран. Например, большинство стран Восточной Азии приветствуют присутствие американских войск в качестве страховки от неуверенных соседей. Более того, сдерживание угроз или обеспечение доступа к важнейшему ресурсу, такому как нефть в Персидском заливе, усиливает влияние Америки на своих союзников. Иногда эти связи могут быть прямыми, чаще они присутствуют в сознании государственных деятелей. По определению Министерства обороны, одной из задач американских войск, дислоцированных за рубежом, является «формирование среды».

При этом экономическая мощь стала более важной, чем в прошлом, как из-за относительного повышения стоимости силы, так и потому, что экономические цели занимают важ-

ное место в ценностях постиндустриальных обществ. В мире экономической глобализации все страны в той или иной степени зависят от рыночных сил, находящихся вне их непосредственного контроля. Когда в 1993 г. президент Клинтон пытался сбалансировать федеральный бюджет, один из его советников в отчаянии заявил, что если бы ему суждено было возродиться, то он хотел бы вернуться в качестве «рынка», поскольку это, несомненно, самый могущественный игрок. Однако рынки в разной степени ограничивают разные страны.

Поскольку Соединенные Штаты составляют столь значительную часть рынка торговли и финансов, они имеют больше возможностей для установления собственных условий, чем Аргентина или Таиланд. И если малые страны готовы заплатить цену за отказ от участия в рынке, они могут уменьшить власть, которую имеют над ними другие страны. Так, например, американские экономические санкции оказали незначительное влияние на улучшение ситуации с правами человека в изолированной Мьянме. Из-за того, что Саддам Хусейн предпочитал выживать сам, а не заботиться о благосостоянии иракского народа, калечащие санкции не смогли отстранить его от власти более чем на десять лет. А экономические санкции могут нарушить, но не удержать негосударственных террористов. Но исключения подтверждают правило. В определенных ситуациях военная мощь по-прежнему имеет решающее значение, но было бы ошибкой слишком узко фокусироваться на военных аспектах американской мощи.

Мягкая сила

На мой взгляд, если Соединенные Штаты хотят оставаться сильными, американцам необходимо также уделять внимание нашей «мягкой силе». Что именно я имею в виду под «мягкой силой»? Военная и экономическая мощь – это примеры жесткой командной силы, которая может быть использована для того, чтобы побудить других изменить свою позицию. Жесткая власть может опираться на побуждения (кар-роты) или угрозы (кнуты). Однако существует и косвенный способ осуществления власти. Страна может добиваться желаемых результатов в мировой политике потому, что другие страны хотят следовать за ней, восхищаясь ее ценностями, беря с нее пример, стремясь к ее уровню процветания и открытости. В этом смысле определять повестку дня в мировой политике не менее важно и привлечь других, так и заставить их измениться с помощью угроз или применения военного или экономического оружия. Этот аспект власти – заставить других хотеть того же, что и вы, – я называю «мягкой силой». Она скорее кооптирует людей, чем принуждает их.

Мягкая сила основывается на способности определять политическую повестку дня таким образом, чтобы формировать предпочтения других людей. На личном уровне мудрые партнеры знают, что если они воспитали своих детей в правильных убеждениях и ценностях, то их власть будет выше и продлится дольше, чем если бы они полагались только на шлепки, урезание пособий или отбирание ключей от машины. Аналогичным образом, политические лидеры и мыслители, такие как Антонио Грамши, давно поняли, какую власть дает формирование повестки дня и определение рамок дискуссии. Способность устанавливать предпочтения, как правило, связана с такими внутренними ресурсами власти, как привлекательная культура, идеология и институты. Если я могу заставить вас хотеть делать то, что я хочу, то мне не нужно заставлять вас делать то, что вы не хотите делать. Если Соединенные Штаты представляют ценности, которым хотят следовать другие, то и лидерство обойдется нам дешевле. Мягкая сила – это не просто влияние, хотя она и является одним из источников влияния. В конце концов, я тоже могу повлиять на вас с помощью угроз или вознаграждений. Мягкая сила – это не просто убеждение или способность убеждать людей с помощью аргументов. Это способность завлекать и привлекать. А привлекательность часто приводит к согласию или подражанию.

Мягкая сила во многом обусловлена нашими ценностями. Эти ценности выражаются в нашей культуре, в политике, которой мы придерживаемся внутри страны, и в том, как мы

ведем себя на международной арене. Как мы увидим в следующей главе, правительству иногда трудно контролировать и использовать «мягкую силу». Ее, как и любовь, трудно измерить, с ней трудно справиться, она касается не всех, но это не умаляет ее важности. Как сетует Юбер Ведрин, американцы столь могущественны, потому что они могут «внушать мечты и желания другим, благодаря владению глобальными образами через кино и телевидение, и потому, что по этим же причинам большое количество студентов из других стран приезжают в США, чтобы закончить свое образование».

Разумеется, «жесткая» и «мягкая» сила взаимосвязаны и могут усиливать друг друга. И то, и другое – аспекты способности достигать своих целей, влияя на поведение других.

Страна, переживающая экономический и военный упадок, скорее всего, потеряет способность формировать международную повестку дня, а также утратит свою привлекательность. А некоторые страны, обладающие жесткой силой, могут быть привлечены мифом о непобедимости или неизбежности. И Гитлер, и Сталин пытались развить такие мифы. Жесткая сила также может быть использована для создания империй и институтов, определяющих повестку дня для более мелких государств – примером тому служит советское господство над странами Восточной Европы. Но «мягкая сила» – это не просто отражение «жесткой силы». Ватикан не утратил своей «мягкой силы», когда в XIX веке потерял Папские государства в Италии. И наоборот, Советский Союз потерял большую часть своей «мягкой силы» после вторжения в Венгрию и Чехословакию, хотя его экономические и военные ресурсы продолжали расти. Императивная политика, использовавшая советскую жесткую силу, фактически подорвала ее мягкую силу. А некоторые страны, такие как Канада, Нидерланды, скандинавские государства, обладают политическим влиянием, превышающим их военный и экономический вес, благодаря включению в определение национальных интересов таких привлекательных целей, как экономическая помощь или поддержание мира. Это уроки, которые односторонники забывают на свою и нашу беду.

Великобритания в XIX веке и Америка во второй половине XX века укрепили свое могущество за счет создания либеральных внутригосударственных экономических правил и институтов, которые соответствовали либерально-демократическим структурам британского и американского капитализма – свободная торговля и золотой стандарт в случае Великобритании, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и другие институты в случае США. Если страна может сделать свою власть легитимной в глазах других, она будет встречать меньше сопротивления своим желаниям. Если ее культура и идеология привлекательны, то другие охотнее пойдут за ней. Если страна сможет установить международные правила, согласующиеся с ее обществом, она с меньшей вероятностью будет вынуждена меняться. Если она сможет поддержать институты, побуждающие другие страны направлять или ограничивать свою деятельность в предпочтительном для нее направлении, то, возможно, ей не потребуется столько дорогостоящих пряников и кнутов.

Одним словом, универсальность культуры страны и ее способность выработать набор благоприятных правил и институтов, – вот наше преимущество.

Джозеф Най

Международная деятельность является важнейшим источником власти. Ценности демократии, личной свободы, восходящей мобильности и открытости, которые часто выражаются в американской популярной культуре, высшем образовании и внешней политике, способствуют американскому могуществу во многих областях. По мнению немецкого журналиста Йозефа Йоффе, «мягкая сила» Америки «вырисовывается даже больше, чем ее экономические и военные активы. Американская культура, как низкая, так и высокая, излучается наружу с такой интенсивностью, которая в последний раз наблюдалась во времена Римской империи, но с новым поворотом. Культурное влияние Рима и Советской России ограничивалось именно военными границами. А вот мягкая сила Америки управляет империей, над которой никогда не заходит солнце».

Конечно, «мягкая сила» – это не только культурная сила. Ценности, которые наше правительство отстаивает в своем поведении внутри страны (например, демократия), в международных институтах (прислушивание к мнению других) и во внешней политике (поддержка мира и прав человека), также влияют на предпочтения других людей. Мы можем привлекать (или отталкивать) других людей благодаря влиянию нашего примера. Однако «мягкая сила» не принадлежит государству в той же степени, что и «жесткая сила». Некоторые ресурсы «жесткой силы» (например, вооруженные силы) являются сугубо государственными, другие – изначально национальными (например, запасы нефти и газа), а многие могут быть переданы под коллективный контроль (например, промышленные активы, которые могут быть мобилизованы в чрезвычайных ситуациях). В отличие от этого, многие ресурсы «мягкой силы» отделены от американского правительства и лишь частично отвечают его целям. Например, в эпоху Вьетнама американская государственная политика и популярная культура работали вразнобой. Сегодня популярные американские фирмы или неправительственные группы развивают собственную «мягкую силу», которая может совпадать или расходиться с целями официальной внешней политики. Это еще одна причина, по которой наше правительство должно быть уверено, что его собственные действия укрепляют, а не подрывают американскую «мягкую силу». Как я покажу в следующей главе, все эти источники «мягкой силы», вероятно, будут приобретать все большее значение в глобальной информационной эпохе нового столетия. В то же

время жесткость, безразличие к чужому мнению и узкий подход к национальным интересам, отстаиваемые новыми односторонниками, – верный путь к подрыву нашей «мягкой силы».

Власть в глобальную информационную эпоху становится все менее осязаемой и менее принудительной, особенно среди развитых стран, но большинство из них не состоит из пост-индустриальных обществ, и это ограничивает трансформацию власти. Большая часть Африки и Ближнего Востока продолжает оставаться в доиндустриальном сельскохозяйственном обществе со слабыми институтами и авторитарными правителями. Другие страны, такие как Китай, Индия и Бразилия, представляют собой индустриальные экономики, аналогичные западным в середине XX века. В таком многообразном мире все три источника силы – военный, экономический и «мягкий» – остаются актуальными, хотя и в разной степени и в разных отношениях. Однако при сохранении нынешних экономических и социальных тенденций лидерство в информационной революции и «мягкая сила» будут играть все более важную роль.

Власть в XXI веке будет опираться на сочетание жестких и мягких ресурсов. Ни одна страна не обладает большими возможностями, чем США, во всех трех измерениях – военном, экономическом и «мягкой силе». Самой большой нашей ошибкой в таком мире было бы впасть в односторонний анализ и считать, что только инвестиции в военную мощь обеспечат нашу силу.

Баланс или гегемония?

Сила Америки – жесткая и мягкая – это только часть истории. То, как другие реагируют на американскую мощь, не менее важно для решения вопроса о стабильности и управлении в наш глобальный информационный век. Многие реалисты превозносят достоинства классического европейского баланса сил XIX века, в котором постоянно меняющиеся коалиции сдерживали амбиции любой особо агрессивной державы. Они призывают Соединенные Штаты заново открыть достоинства баланса сил на глобальном уровне. Уже в 1970-е годы Ричард Никсон утверждал, что «единственный раз в истории мира, когда мы имели сколько-нибудь продолжительные периоды мира, – это когда существовал баланс сил. Именно тогда, когда одна страна становится бесконечно более могущественной по отношению к своим потенциальным конкурентам, возникает опасность войны». Но будет ли такая многополярность благом или злом для США и всего мира – вопрос спорный. Я отношусь к этому скептически.

Война была постоянным спутником и важнейшим инструментом многополярного баланса сил. Классический европейский баланс обеспечивал стабильность в смысле сохранения независимости большинства стран, но в течение 60 % лет после 1500 г. между великими державами шли войны. Приверженность балансу сил и многополярности может оказаться опасным подходом к глобальному управлению в мире, где война может стать ядерной.

Во многих регионах мира и в разные периоды истории наблюдалась стабилизация в условиях гегемонии – когда одна держава занимала доминирующее положение. Маргарет Тэтчер предостерегала от дрейфа в сторону «оруэлловского будущего Океании, Евразии и Востока – трех меркантилистских мировых империй, находящихся во все более враждебных отношениях...». Другими словами, 2095 год может выглядеть как 1914 год, разыгранный на несколько большей сцене». Взгляды Никсона и Тэтчер слишком механистичны, поскольку они игнорируют «мягкую силу». «Америка – исключение, – говорит Йозеф Йозеф, – потому что «гипердержава» – это еще и самое манящее и соблазнительное общество в истории. Наполеону приходилось полагаться на штыки, чтобы распространить революционное кредо Франции. В американском случае мюнхенцы и москвичи хотят получить то, что может предложить аватар ультрасовременности».

Термин «баланс сил» иногда используется в противоречивых смыслах. Наиболее интересным представляется использование этого термина в качестве предсказателя поведения

стран, т. е. будут ли они проводить такую политику, которая не позволит какой-либо другой стране развить мощь, способную угрожать их независимости? Многие считают, что, судя по историческим свидетельствам, нынешнее превосходство США вызовет противодействующую коалицию, которая в конечном итоге ограничит американскую власть. По словам самозваного политолога-реалиста Кеннета Уолтца, «и друзья, и враги будут реагировать так, как всегда реагировали страны на угрозу или реальное преобладание одной из них: они будут работать, чтобы восстановить баланс». Нынешнее состояние международной политики противоестественно».

На мой взгляд, такое механистическое предсказание не соответствует действительности. Во-первых, страны иногда реагируют на усиление одной державы «бандвокингом», т. е. присоединением к кажущейся более сильной, а не слабой стороне, как это сделал Муссолини, решив после нескольких лет колебаний вступить в союз с Гитлером. Близость к угрозе и ее восприятие также влияют на реакцию стран. Географическая обособленность США от Европы и Азии выгодно отличает их от соседних стран, так как они часто представляются менее близкой угрозой, чем соседние страны в этих регионах. Действительно, в 1945 году США были самой сильной страной на Земле, и механическое применение теории балансирования предсказало бы союз против них. Вместо этого Европа и Япония заключили союз с американцами, поскольку Советский Союз, хотя и был слабее в целом, представлял большую военную угрозу из-за своей географической близости и сохраняющихся революционных амбиций.

Сегодня Ирак и Иран недолюбливают США, и можно было бы ожидать, что они будут работать вместе, чтобы уравновесить американскую мощь в Персидском заливе, но еще больше они беспокоятся друг о друге. Национализм также может осложнять прогнозы. Например, если Северная и Южная Корея воссоединятся, то у них должен быть сильный стимул поддерживать союз с такой далекой державой, как США, чтобы уравновесить двух своих соседей-гигантов – Китай и Японию. Однако напряженный национализм, вызванный противодействием американскому присутствию, может изменить ситуацию, если американская дипломатия будет жесткой. Негосударственные субъекты также могут оказывать влияние, о чем свидетельствует то, как сотрудничество против террористов изменило поведение некоторых государств после сентября 2001 года.

Можно привести убедительные аргументы в пользу того, что неравенство сил может быть источником мира и стабильности. Независимо от того, как измеряется власть, считают некоторые теоретики, равное распределение власти между крупными государствами в истории встречалось сравнительно редко, а попытки сохранить баланс часто приводили к войне. С другой стороны, неравенство сил часто приводило к миру и стабильности, поскольку не было смысла объявлять войну доминирующему государству. Политолог Роберт Гилпин утверждает, что «*Pax Britannica* и *Pax Americana*, как и *Pax Romana*, обеспечивали международную систему относительного мира и безопасности». А экономист Чарльз Киндл-бергер утверждал, что «для стабилизации мировой экономики должен быть стабилизатор, один стабилизатор». Глобальное управление требует, чтобы крупное государство играло ведущую роль. Но насколько и какое неравенство сил необходимо или допустимо и как долго? Если страна-лидер обладает «мягкой силой» и ведет себя так, что это выгодно другим, то эффективные контрcoalitions могут возникать медленно. С другой стороны, если страна-лидер определяет свои интересы узко и высокомерно использует свой вес, то это создает стимулы для других координировать свои действия, чтобы избежать ее гегемонии.

Некоторые страны больше других страдают от американской мощи. Гегемония иногда используется политическими лидерами России, Китая, Ближнего Востока, Франции и других стран как термин, вызывающий осуждение. В странах, где сильна американская «мягкая сила», этот термин используется реже или менее негативно.

Если, как утверждает Джошуа Голдстайн, гегемония означает возможность диктовать правила и механизмы, по которым осуществляются международные отношения, то Соединен-

ные Штаты сегодня вряд ли можно назвать гегемоном. Они действительно имеют преимущественное право голоса в Международном валютном фонде, но не могут самостоятельно выбирать его руководителя. Во Всемирной торговой организации США не смогли одержать верх над Европой и Японией. Она выступала против Договора о противопехотных минах, но не смогла предотвратить его появление. Саддам Хусейн оставался у власти более десяти лет, несмотря на американские усилия по его изгнанию. США выступали против войны России в Чечне и гражданской войны в Колумбии, но безрезультатно. Если определить гегемонию более скромно – как ситуацию, когда одна страна обладает значительно большими силовыми ресурсами или возможностями, чем другие, то она означает просто американский перевес, а не обязательно доминирование или контроль. Даже после Второй мировой войны, когда США контролировали половину мирового экологического производства (поскольку все остальные страны были разрушены войной), они не смогли одержать победу во всех своих целях.

В качестве примера успешной гегемонии часто приводят Рах Britannica в XIX веке, хотя по уровню ВВП Великобритания уступала США и России. Британия никогда не превосходила остальной мир по производительности труда, как Соединенные Штаты после 1945 г., но, как мы увидим в главе 5, Британия обладала и определенной степенью «мягкой силы». Культура викторианской эпохи была влиятельна во всем мире, а репутация Британии росла, когда она определяла свои интересы таким образом, что это приносило пользу другим странам (например, открывала свои рынки для импорта или искореняла пиратство). Америка не имеет такой глобальной территориальной империи, как Британия, но зато обладает крупной внутренней экономикой континентального масштаба и обладает большей «мягкой силой». Эти различия между Британией и Америкой позволяют говорить о большей устойчивости американской гегемонии. Политолог Уильям Уолфорт утверждает, что Соединенные Штаты настолько далеко ушли вперед, что потенциальные соперники считают опасным вызывать целенаправленную враждебность Америки, а союзные государства могут быть уверены в том, что они и дальше могут рассчитывать на американскую защиту. Таким образом, обычные балансирующие силы ослаблены.

Тем не менее, если американская дипломатия будет односторонней и высокомерной, наше превосходство не помешает другим государствам и негосударственным субъектам предпринимать действия, которые усложнят американские расчеты и ограничат нашу свободу действий.

Например, некоторые союзники могут следовать за американцами по крупнейшим вопросам безопасности, но при этом создавать коалиции, чтобы сбалансировать поведение США в других областях, таких как торговля или охрана окружающей среды. Дипломатическое маневрирование, не связанное с союзничеством, может иметь политические последствия. Как заметил Уильям Сафир во время первой встречи президентов Владимира Путина и Джорджа Буша-младшего, «прекрасно понимая слабость своей руки, Путин подражает стратегии Никсона, разыгрывая китайскую карту». В частности, незадолго до встречи с Бушем Путин отправился в Шанхай, чтобы создать полусоюз регионального сотрудничества с Цзян Цзэмином и некоторыми из его азиатских попутчиков». Тактика Путина, по словам одного журналиста, «поставила господина Буша в положение обороняющегося, и господин Буш не преминул заявить, что Америка не собирается действовать в одиночку в международных делах».

Рах America, вероятно, продлится не только благодаря непревзойденной американской жесткой силе, но и в той мере, в какой Соединенные Штаты «обладают уникальной способностью проявлять «стратегическую сдержанность», успокаивая партнеров и способствуя сотрудничеству». Более того, влияние американского превосходства смягчается, если оно опирается на сеть многосторонних институтов, позволяющих другим странам участвовать в принятии решений и выступающих в качестве своего рода мировой конституции, ограничивающей капризность американской власти. Именно этот урок мы получили, пытаясь создать антитер-

рористическую коалицию после терактов в сентябре 2001 года. Когда общество и культура гегемона привлекательны, ощущение угрозы и необходимость уравнивать его снижаются. Будут ли другие страны объединяться для уравнивания американской мощи, зависит от поведения США, а также от силовых ресурсов потенциальных соперников.

Новые претенденты?

Периоды неравенства сил могут приводить к стабильности, но если растущие страны будут недовольны политикой, проводимой крупнейшим государством, они могут бросить вызов ведущему государству и создать союзы, чтобы преодолеть его силу. Итак, кто же является потенциальными кандидатами, которые могут бросить вызов Соединенным Штатам, и насколько велика их угроза?

Китай

Многие считают Китай, самую густонаселенную страну мира, ведущим кандидатом. «Почти все комментаторы уже несколько лет рассматривают Китай как наиболее вероятного из обычных подозреваемых в получении статуса «равного конкурента» в будущем». Опросы показывают, что половина американской общественности считает Китай самым серьезным вызовом статусу мировой державы США в ближайшие сто лет (по сравнению с 8 % для Японии и 6 % для России и Европы). Некоторые наблюдатели сравнивают рост авторитарного Китая с ростом кайзеровской Германии в период, предшествовавший Первой мировой войне. Так, китаевед Артур Уолдрон считает, что «рано или поздно, если нынешние тенденции сохранятся, война в Азии будет вероятна... Китай сегодня активно стремится отпугнуть США от Восточной Азии, подобно тому как Германия стремилась запугать Британию перед Первой мировой войной». Аналогичным образом, по мнению обозревателя Роберта Кагана, «китайское руководство смотрит на мир примерно так же, как кайзер Вильгельм II столетие назад. Китайские лидеры недовольны тем, что на них накладывают ограничения, и беспокоятся, что они должны изменить правила международной системы до того, как международная система изменит их самих». Китайские лидеры часто жаловались на «канонерскую дипломатию» США и предлагали России, Франции и другим странам присоединиться к ним в сопротивлении американскому «гегемонизму».» Более того, «в правительственных заявлениях, статьях в государственной прессе, книгах и интервью Соединенные Штаты теперь регулярно изображаются как враг № 1». По словам двух трезвомыслящих аналитиков, «вряд ли можно считать неизбежным, что Китай будет представлять угрозу американским интересам, но вероятность того, что Соединенные Штаты вступят в войну с Китаем, гораздо выше, чем с любой другой крупной державой».

Однако мы должны скептически относиться к выводам, сделанным исключительно на основе текущей риторики, военных планов на случай непредвиденных обстоятельств и не совсем корректных исторических аналогий. Как в Китае, так и в США восприятие другой страны в значительной степени обусловлено внутривластными проблемами, и в обеих странах есть люди, которые хотят видеть в другой стране врага. Даже если бы не было таких искажений, военные обеих сторон воспринимались бы своими соотечественниками как недобросовестные исполнители своих обязанностей, если бы они не планировали все возможные варианты развития событий. Что касается истории, то следует еще раз напомнить, что к 1900 году Германия превзошла Великобританию по уровню промышленного развития.

Кайзер проводил авантюрную, глобально ориентированную внешнюю политику, которая неизбежно должна была привести к столкновению с другими великими державами.

Китай, напротив, значительно отстает от США в экономическом плане и ориентируется в своей политике прежде всего на свой регион и на свое экономическое развитие; его официальная коммунистическая идеология мало привлекательна. Тем не менее, возвышение Китая напоминает предупреждение Фукидида о том, что вера в неизбежность конфликта может стать одной из его главных причин. Каждая сторона, полагая, что окажется в состоянии войны с другой, проводит разумные военные приготовления, которые затем воспринимаются другой стороной как подтверждение ее худших опасений.

На самом деле «возвышение Китая» – это неправильный термин. Более точным было бы «возрождение», поскольку по размерам и истории Поднебесная давно уже является крупной державой в Восточной Азии. В техническом и экономическом отношении Китай был мировым лидером (хотя и без глобального охвата) с 500 по 1500 гг. Лишь в последние полтысячелетия его обогнули Европа и Америка. По расчетам Азиатского банка развития, в 1820 г., в начале индустриальной эпохи, на долю Азии приходилось примерно три пятых мирового продукта. К 1940 г. этот показатель снизился до одной пятой, хотя в регионе проживало три пятых населения планеты. Быстрый экономический рост привел к тому, что сегодня этот показатель составляет две пятых, и, по прогнозам банка, к 2025 г. Азия может вернуться к своему торическому уровню. В Азию, конечно, входят Япония, Индия, Корея и другие страны, но наибольшую роль в конечном итоге будет играть Китай. Высокие ежегодные темпы роста в 8–9 % привели к тому, что за последние два десятилетия XX века его ВВП вырос в три раза. Эти впечатляющие экономические показатели, наряду с конфуцианской культурой, укрепили «мягкую силу» Китая в регионе.

Тем не менее, Китаю предстоит пройти долгий путь и столкнуться со многими препятствиями на пути своего развития. В начале XXI века американская экономика примерно в два раза превышает китайскую. Если темпы роста американской экономики составят 2 %, а китайской – 6 %, то примерно к 2020 году эти две экономики сравняются по размеру. Но даже в этом случае обе экономики будут эквивалентны по размеру, но не по составу. Китай по-прежнему будет иметь огромную неразвитую территорию – действительно, если предположить, что китайская экономика будет расти на 6 %, а американская – только на 2 %, то Китай не сравняется с США по объему производства.

С точки зрения политической власти доход на душу населения является более точным показателем развитости экономики. По прогнозам Азиатского банка развития, к 2025 г. доход на душу населения в Китае достигнет 38 % от дохода в США, т. е. примерно того же уровня по отношению к США, которого Южная Корея достигла в 1990 г. Это впечатляющий рост, но до равенства еще очень далеко. И поскольку Соединенные Штаты вряд ли будут стоять на месте в этот период, Китай еще очень далек от того, чтобы бросить такой вызов американскому превосходству, какой бросила кайзеровская Германия, обойдя Великобританию в начале прошлого века.

Более того, линейные прогнозы тенденций экономического роста могут вводить в заблуждение. На ранних этапах экономического взлета страны, как правило, выбирают «низко висящие плоды», получая выгоду от импорта технологий, а по мере достижения более высоких уровней развития темпы роста обычно замедляются. Кроме того, китайская экономика сталкивается с серьезными препятствиями переходного периода, связанными с неэффективностью государственных предприятий, шаткостью финансовой системы и неадекватностью инфраструктуры. Растущее неравенство, массовая внутренняя миграция, неадекватная система социальной защиты, коррупция и неадекватные институты могут привести к политической нестабильности. Острую дилемму для китайских руководителей представляет решение проблемы значительно возросших информационных потоков в условиях, когда ограничения могут препятствовать экономическому росту. Как отмечает гарвардский экономист Дуайт Перкинс, «во многом успех первых рыночных реформ... был обусловлен простотой задачи». Про-

цесс создания правового государства и адекватных институтов в экономической сфере будет «измеряться десятилетиями, а не годами или месяцами». Действительно, некоторые наблюдатели опасаются нестабильности, вызванной не подъемом, а распадом Китая. Китай, который не может контролировать рост населения, потоки миграции, влияние на мировой климат и внутренние конфликты, создает еще один комплекс проблем. Политика способна сбивать экономические прогнозы.

Пока экономика Китая растет, вероятно, будет увеличиваться и его военная мощь, что сделает Китай более опасным для соседей и усложнит обязательства Америки в регионе. Согласно исследованию RAND, к 2015 г. военные расходы Китая будут более чем в шесть раз превышать японские, а накопленная им военная мощь была огромна.

Война в Персидском заливе 1991 г., напряженность вокруг Тайваня в 1995-96 гг. и косовская кампания 1999 г. показали китайским лидерам, насколько Китай отстает в современном военном потенциале, в результате чего в течение 1990-х гг. они почти удвоили военные расходы. Тем не менее, общий военный бюджет Китая за последние десятилетия XX века фактически сократился с 2,5 до 2 % ВВП, а слабость политической системы страны не позволяет эффективно конвертировать экономические ресурсы в военный потенциал. Некоторые наблюдатели считают, что к 2005 году Китай может достичь военного потенциала, аналогичного европейскому в начале 1980-х годов. Другие, ссылаясь на импорт технологий из России, высказывают более серьезные опасения. В любом случае, рост военного потенциала Китая будет означать, что любая американская военная роль в регионе потребует дополнительных ресурсов.

Американские солдаты в Афганистане

Какова бы ни была точность таких оценок роста военного потенциала Китая, наиболее полезным для наших целей является сравнительная оценка, а она зависит от того, что будут делать США (и другие страны) в ближайшие десятилетия. Ключ к военной мощи в информационную эпоху зависит от способности собирать, обрабатывать, дезинтегрировать и интегрировать данные, поступающие от сложных систем космического наблюдения, высокоскоростных компьютеров и «умного» оружия. Китай (и другие страны) будет развивать некоторые из этих

возможностей, но, по мнению австралийского аналитика Пола Дибба и его коллег, революция в военном деле (RMA) «будет по-прежнему благоприятствовать преобладанию американских вооруженных сил». Маловероятно, что Китай каким-либо значимым образом сократит разрыв в RMA с США».

Роберт Каган считает, что Китай стремится «в ближайшей перспективе заменить США в качестве доминирующей державы в Восточной Азии, а в долгосрочной перспективе бросить вызов положению Америки как доминирующей державы в мире». Даже если это точная оценка намерений Китая (а с этим эксперты спорят), сомнительно, что у него будут для этого возможности. У каждой страны есть список желаний, который выглядит как меню без цен. Если бы Китай был предоставлен самому себе, он, возможно, хотел бы вернуть Тайвань, доминировать в Южно-Китайском море и быть признанным главным государством в Восточно-Азиатском регионе, но китайским лидерам придется столкнуться с ценами, навязанными другими странами, а также с ограничениями.

Более того, слишком агрессивная позиция Китая может привести к созданию противодействующей коалиции среди его соседей по региону, что ослабит как его «жесткую», так и «мягкую» силу.

Тот факт, что Китай вряд ли станет равноправным конкурентом США на глобальном уровне, не означает, что он не может бросить вызов Соединенным Штатам в Восточной Азии или что война за Тайвань невозможна. Слабые страны иногда нападают, когда чувствуют себя загнанными в угол, как это сделала Япония в Перл-Харборе или Китай, вступивший в Корейскую войну в 1950 году. «При определенных условиях Пекин, скорее всего, будет полностью неуправляем. Если, например, Тайвань провозгласит независимость, трудно представить, что Китай откажется от применения силы против Тайваня, независимо от предполагаемых экологических или военных издержек, вероятной продолжительности или интенсивности американского вмешательства или баланса сил в регионе». Но выиграть такую войну вряд ли удастся.

Альянс США и Японии, который декларация Клинтона-Хасимото 1996 г. подтвердила как основу стабильности в Восточной Азии после окончания холодной войны, является важным препятствием для китайских амбиций. Это означает, что в трехсторонней политике региона Китай не может играть против Японии или пытаться вытеснить американцев из региона. С этой сильной позиции США и Япония могут работать над привлечением Китая к сотрудничеству по мере роста его мощи и стимулировать его к ответственной роли. Вопрос о том, как поведет себя Китай по мере роста своей мощи, остается открытым, но до тех пор, пока США сохраняют свое присутствие в регионе, поддерживают отношения с Японией, не поддерживают независимость Тайваня и разумно распоряжаются своей мощью, вряд ли какая-либо страна или коалиция сможет успешно оспорить его роль в регионе, тем более на глобальном уровне. Если США и Китай столкнутся с войной или холодной войной в Восточной Азии, то причиной этого, скорее всего, будет неумелая политика, связанная с независимостью Тайваня, а не успех Китая как глобального претендента.

Япония

В последнее время экономика Японии переживает спад из-за неудачных политических решений, однако было бы ошибкой продавать Японию с рук. Она обладает второй по величине национальной экономикой в мире, высокотехнологичной промышленностью, самым большим после США числом пользователей Интернета и самыми современными вооруженными силами в Азии. В то время как Китай имеет более современное вооружение и большее количество военнослужащих, вооруженные силы Японии лучше оснащены и лучше обучены. Кроме того, она обладает технологическим потенциалом, позволяющим ей быстро создать ядерное оружие, если она решит это сделать.

Еще десять лет назад американцы опасались, что их догонит Япония. В статье, опубликованной в журнале Newsweek в 1989 году, было сказано следующее: «В залах заседаний и правительственных бюро по всему миру с тревогой спрашивают, не собирается ли Япония стать сверхдержавой, вытеснив Америку с позиции колосса Тихоокеанского региона и, возможно, даже став государством № 1 в мире». В книгах предсказывается создание Тихоокеанского блока под руководством Японии, в который не войдут США, и даже возможная война между Японией и США. Футуролог Герман Кан предсказывал, что Япония станет ядерной сверхдержавой и что переход роли Японии будет подобен «изменениям, которые произошли в европейских и мировых делах в 1870-х годах в результате возвышения Пруссии». Эти взгляды экстраполировались на впечатляющий послужной список Японии.

Накануне Второй мировой войны на Японию приходилось 5 % мирового промышленного производства. Разрушенная войной, она восстановила этот уровень только в 1964 году. С 1950 по 1974 г. Япония демонстрировала поразительные темпы роста в 10 % в год, а к 1980-м годам стала второй по величине экономикой мира, на которую приходилось 15 % мирового продукта. Она стала крупнейшим кредитором и крупнейшим донором иностранной помощи. По уровню технологий она была примерно равна США, а в некоторых областях производства даже немного опережала их. Япония слабо вооружалась (военные расходы составляли около 1 % ВВП) и сделала ставку на экономический рост, что стало весьма успешной стратегией. Тем не менее, как уже говорилось выше, она создала самые современные и лучше всего оснащенные обычные вооруженные силы в Восточной Азии.

Япония имеет впечатляющий исторический опыт самоизобретения. Полтора столетия назад Япония стала первой незападной страной, успешно адаптировавшейся к современной глобализации. После многовековой изоляции Япония в результате реставрации Мэйдзи выборочно выбрала остальной мир, и уже через полвека страна стала достаточно сильной, чтобы победить европейскую великую державу в русско-японской войне. После 1945 года она восстала из пепла Второй мировой войны.

Учитывая слабость политического процесса, необходимость дальнейшего дерегулирования, старение населения и сопротивление иммиграции, такие перемены будут нелегкими и могут занять не одно десятилетие. Однако, учитывая неизменную квалификацию японцев, стабильность общества, технологическое лидерство (например, в области мобильных Интернет-приложений) и производственные навыки, нынешние оценки Японии могут быть слишком депрессивными.

Сможет ли возрожденная Япония через десяток-другой лет стать глобальным соперником США в экономическом или военном плане, как это предсказывалось десять лет назад? Это представляется маловероятным. Япония, размером примерно с Калифорнию, никогда не будет иметь таких географических или демографических масштабов, как Соединенные Штаты. Ее экономические успехи и популярная культура обеспечивают ей «мягкую силу», но этноцентризм и политика страны подрывают эту силу. Япония проявляет определенные амбиции по укреплению своего статуса мировой державы. Она стремится получить постоянное место в Совете Безопасности ООН, а опросы показывают, что многие молодые японцы заинтересованы в том, чтобы стать более «нормальной страной» с точки зрения обороны. Некоторые политики начали движение за пересмотр 9-й статьи конституции страны, ограничивающей вооруженные силы Японии самообороной. Если Соединенные Штаты откажутся от союза с Японией и последуют совету тех, кто хочет, чтобы мы оставались «в офшоре» и меняли свою лояльность туда-сюда, чтобы уравновесить Китай и Японию, мы можем породить чувство незащищенности, которое может привести Японию к решению о необходимости создания собственного ядерного потенциала.

В противном случае, если Япония вступит в союз с Китаем, то совокупность ресурсов этих двух стран создаст мощную коалицию. Хотя такой союз не исключен, он представля-

ется маловероятным, если только США не совершат серьезную дипломатическую или военную ошибку. Мало того, что раны 1930-х гг. не зажили до конца, так еще и Китай и Япония имеют противоречивые представления о месте Японии в Азии и в мире. Китай хотел бы сдерживать Японию, но Япония, возможно, не захочет играть вторую скрипку. В случае маловероятного ухода США из региона Восточной Азии Япония может присоединиться к китайскому банд-парку.

Наиболее вероятным исходом является продолжение союза с Соединенными Штатами. Союзная Восточная Азия не является вероятным претендентом на роль претендента, который вытеснит США.

Россия

Если Япония является маловероятным союзником для Китая, то как насчет России? Политика баланса сил может предсказать такой союз как ответ на подтверждение в 1996 г. американо-японского договора о безопасности. Прецедент для такого союза существует: в 1950-х годах Китай и Советский Союз были союзниками против США. После того как в 1972 г. Никсон открыл Китаю двери, треугольник стал работать в обратном направлении: США и Китай сотрудничали, чтобы ограничить угрожающую, по мнению обоих, советскую мощь. Этот союз прекратил свое существование с распадом Советского Союза. В 1992 г. Россия и Китай провозгласили свои отношения «конструктивным партнерством», в 1996 г. – «стратегическим партнерством», а в июле 2001 г. подписали договор о «дружбе и сотрудничестве». Одной из тем партнерства является общее неприятие нынешнего «однополярного мира», в котором доминируют США. Китай и Россия поддержали антитеррористическую кампанию, начатую Америкой после сентябрьских событий, но по-прежнему с опаской относятся к американской мощи.

Несмотря на риторику, существуют серьезные препятствия для заключения военного союза между Китаем и Россией. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке, где население с российской стороны границы составляет 6–8 млн. человек, а с китайской – до 120 млн. человек, вызывает определенную тревогу в Москве. Экономический и военный упадок России усиливает ее озабоченность ростом китайской мощи. Торговля и инвестиции между двумя странами незначительны, и обе стороны в гораздо большей степени полагаются на доступ к западным (в том числе американским) рынкам товаров и финансов. Потребуется очень неуклюжее (но не невозможное) поведение Америки, чтобы преодолеть эти препятствия и еще больше заключить Россию и Китай в объятия друг друга. Как заметил один из обозревателей, «путь к сохранению общего влияния Соединенных Штатов – это сдержанное и предсказуемое применение силы, опровергающее обвинения в гегемонизме». Чем более жестко мы будем действовать, тем больше мы поможем России и Китаю преодолеть их разногласия.

Хотя это и не может привести к такому полноценному военному союзу, как в 1950-е годы, это может привести к высокой степени политической координации, направленной на срыв американских планов.

Россия по-прежнему представляет угрозу для США, в основном потому, что она является единственной страной, обладающей достаточным количеством ракет и ядерных боеголовок для уничтожения Соединенных Штатов, и ее относительный упадок не позволяет ей отказаться от своего ядерного статуса. Кроме того, Россия обладает огромными масштабами, образованным населением, квалифицированными учеными и инженерами, а также огромными природными ресурсами. Но хотя поворот к репрессивному национальному режиму может вновь сделать Россию угрозой, она не станет таким вызовом американской мощи, каким был Советский Союз в течение четырех десятилетий после Второй мировой войны.

В 1950-е годы многие на Западе опасались, что Советский Союз превзойдет Соединенные Штаты в качестве ведущей мировой державы. Советский Союз имел самую большую в

мире территорию, третью по численности населения и вторую по величине экономику, добывал больше нефти и газа, чем Саудовская Аравия. Он обладал половиной мирового запаса ядерного оружия, имел больше вооруженных людей, чем США, и самое большое количество людей, занятых в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах. В 1953 г., всего на год позже США, она взорвала водородную бомбу, а в 1957 г. первой запустила в космос спутник. Что касается «мягкой силы», то после Второй мировой войны коммунистическая идеология и транснациональная организация Советского Союза завоевали авторитет в Европе благодаря противостоянию Гитлеру, а в странах третьего мира его идентификация с народным движением за деколонизацию сделала его привлекательным. Он активно раздувал миф о неизбежности победы коммунизма.

Никита Хрущев в 1959 г. небезызвестно хвастался, что Советский Союз обгонит США к 1970 или, самое позднее, к 1980 году. В 1976 году Леонид Брежнев заявил президенту Франции, что коммунизм будет доминировать в мире к 1995 году. Такие прогнозы подкреплялись данными о ежегодных темпах экономического роста в пределах 5–6 % и увеличении доли СССР в мировом продукте с 11 до 12,3 % в период с 1950 по 1970 год. Однако после этого началось длительное снижение темпов роста и доли советской экономики в мировом продукте. В 1986 году М.С. Горбачев охарактеризовал советскую экономику как «очень дезорганизованную. Мы отстаем по всем показателям».

Шеварднадзе заявил своим чиновникам, что «мы с вами представляем великую страну, которая за последние 15 лет все больше и больше теряет свои позиции как одна из ведущих промышленно развитых стран».

В результате распада Советского Союза в 1991 году Россия значительно сократилась по территории (76 % от СССР), населению (50 % от СССР), экономике (45 % от СССР) и численности военнослужащих (33 % от СССР). Кроме того, практически исчезла «мягкая сила» коммунистической идеологии. Российская экономическая статистика, как и статистика СССР до него, заведомо неточна, но на рубеже веков оказалось, что экономика США примерно в 27 раз больше российской, расходы на исследования и разработки – в 60 раз, а военные расходы – более чем в 9 раз. Относительное количество персональных компьютеров и Интернет-хостов составляло 11:1 и 150:1.

Не похоже, что Россия будет догонять еще долго. Конечно, после распада Советского Союза наметились признаки улучшения ситуации. Россия больше не скована коммунистической идеологией и громоздкой системой централизованного планирования. В стране существует определенная степень демократии и свободы слова, хотя режим Владимира Путина предпринимает меры, направленные на подавление инакомыслия и восстановление централизованного политического контроля. Вероятность этнической фрагментации, хотя и остается угрозой (как показали чеченские войны), уменьшилась. Если в бывшем Советском Союзе этнические русские составляли лишь половину населения, то сейчас они составляют 81 % населения Российской Федерации. Политическая система остается хрупкой, а институты эффективной рыночной экономики в значительной степени отсутствуют. В российском грабительском капитализме отсутствует эффективное регулирование, создающее доверие к рыночным отношениям, и «даже 5-процентный рост не позволит российским доходам достичь уровня Испании и Португалии в течение десятилетий». По средним оценкам демографов ООН, население России может сократиться со 145 млн. человек сегодня до 121 млн. человек к середине века.

Возможны различные варианты развития событий в России, и, по мнению Национального разведывательного совета при американском правительстве, они могут быть следующими от политического возрождения до распада. «Наиболее вероятный исход – это Россия, которая остается внутренне слабой и институционально связанной с международной системой, прежде всего через свое постоянное место в Совете Безопасности ООН... Даже при самом благоприятном сценарии пятипроцентного ежегодного экономического роста Россия к 2015 г. достигнет

уровня экономики, составляющего менее одной пятой от размера экономики США». Благодаря остаточной ядерной мощи, близости к Европе и возможности союза с Китаем или Индией, Россия может выбрать сотрудничество или создание проблем для США, но не быть глобальным претендентом.

Индия

Индия тоже иногда упоминается как будущая великая держава, а ее население, составляющее миллиард человек, в четыре раза превышает население США. В течение десятилетий Индия страдала от того, что некоторые называли «индусскими темпами экономического роста», то есть темпами 1–2 %, но в последнее десятилетие ситуация изменилась, и темпы роста приблизились к 5–6 %. В Индии формируется средний класс численностью в несколько сотен миллионов человек, а английский язык является официальным языком, на котором говорят от 50 до 100 млн. человек. Опираясь на эту базу, индийский информационный бизнес начинает играть транснациональную роль. Кроме того, Индия – военная держава, обладающая несколькими десятками единиц ядерного оружия, ракетами средней дальности, 1,2 млн. военнослужащих и ежегодными военными расходами в размере около 11 млрд. долл. Что касается «мягкой силы», то Индия обладает развитой демократией и долгое время считалась лидером неприсоединившихся стран в период «холодной войны». В Индии существует влиятельная диаспора, а ее киноиндустрия является крупнейшей в мире по количеству ежегодно выпускаемых фильмов, конкурируя с Голливудом в некоторых регионах Азии и Ближнего Востока.

В то же время Индия остается очень слабо развитой страной, где сотни миллионов неграмотных граждан живут в нищете. Несмотря на быстрый экономический рост, более полумиллиарда индийцев по-прежнему будут жить в условиях крайней нищеты. Использование технологий для совершенствования сельского хозяйства станет главной задачей Индии в борьбе с бедностью к 2015 году. Кроме того, увеличивающаяся пропасть между имущими и неимущими регионами, а также разногласия по поводу темпов и характера реформ могут подорвать ВВП Индии, составляющий 1,7 трлн. долл., меньше половины ВВП Китая и 20 % ВВП США. Если темпы роста США составят 3 %, а Индии – 6 %, то Индии потребуется время до 2077 г., чтобы достичь общего размера американской экономики. А разрыв в доходах на душу населения еще более значителен: в США он составляет 33 900 долларов, а в Индии – 1800 долларов. При разнице в темпах роста в 3 % Индии потребуется до 2133 г., чтобы достичь паритета с американской экономикой. Военный потенциал Индии впечатляет в Южной Азии, но не в более широком азиатском контексте, где ее техника менее совершенна, а расходы составляют лишь половину от тех, что несет Китай. По прогнозам RAND, если экономический рост Индии будет продолжаться на уровне 5,5 %, а на оборону она будет тратить 4 % ВВП, то через пятнадцать лет ее военный капитал достигнет 314 млрд. долларов, или 62 % от китайского (против 48 % сегодня).

Индия вряд ли сама по себе станет глобальным вызовом Соединенным Штатам в этом веке, но она обладает значительными активами, которые могут быть добавлены к масштабам китайско-российско-индийской коалиции. И все же вероятность того, что такая коалиция станет серьезным антиамериканским альянсом, невелика. Подобно тому, как в китайско-российских отношениях существует затаенная настороженность, аналогичное соперничество существует и между Индией и Китаем. Хотя в 1993 и 1996 гг. между двумя странами были подписаны соглашения, обещающие мирное урегулирование пограничного спора, приведшего к войне в 1962 г., следует отметить, что накануне ядерных испытаний, проведенных Индией в марте 1998 г., министр обороны Индии назвал Китай «потенциальным врагом номер один». Вместо того чтобы стать союзником, Индия, скорее всего, войдет в группу азиатских стран, которые будут стремиться уравновесить Китай.

Европа

Наиболее близким к равному государству, с которым США сталкиваются в начале XXI века, является Европейский Союз (ЕС). Несмотря на то, что американская экономика в четыре раза превышает экономику Германии, крупнейшей европейской страны, экономика Евросоюза примерно равна экономике США, а численность населения составляет значительно больше, как и его доля в мировом экспорте. Эти пропорции увеличатся, если, как планируется, в ближайшие десятилетия Европейский Союз постепенно расширится за счет государств Центральной Европы. Европа тратит на оборону примерно две трети того, что тратят Соединенные Штаты, имеет большее число военнослужащих и включает две страны, обладающие ядерными арсеналами. Что касается «мягкой силы», то европейская культура уже давно пользуется широкой популярностью в остальном мире, а ощущение того, что Европа объединяется вокруг Брюсселя, очень привлекает страны Восточной Европы, а также Турцию. Правительства и народы этих стран начали формировать свою политику так, чтобы соответствовать Брюсселю. Европейцы были важными первопроходцами и играли центральные роли в международных институтах. Как утверждал десять лет назад Сэмюэл Хантингтон, сплоченная Европа «будет обладать достаточными демографическими ресурсами, экономической мощью, технологиями, фактической и потенциальной военной силой, чтобы стать ведущей державой XXI века». Хорошим примером тому служит статья 1995 г. в журнале *National Review*, в которой утверждается, что «появляется политический блок в виде Европейского Союза, которому нравится видеть себя в качестве вызова Америке».

Ключевой вопрос при оценке вызова, брошенного ЕС, заключается в том, сможет ли он развить достаточную политическую и социально-культурную сплоченность, чтобы действовать как единое целое по широкому кругу международных вопросов, или же он останется ограниченной группой стран с сильно различающимися национализмом и внешней политикой. Объединение Европы медленно, но неуклонно шло на протяжении полувека, и давление глобальной ализации усилило стимулы к укреплению европейских региональных институтов.

Уже сейчас Европейский союз эффективно сдерживает американскую мощь. В вопросах торговли и влияния в рамках Всемирной торговой организации Европа не уступает Соединенным Штатам. Европейские страны успешно противостоят американским торговым санкциям против Кубы и Ирана. Создание Европейского валютного союза и введение в обращение евро в начале 1999 года было воспринято многими наблюдателями как серьезный вызов США и роли доллара как доминирующей резервной валюты. В то время как подобные взгляды чрезмерно сбрасывают со счетов уникальную глубину и широту американского потенциала.

В то время как подобные взгляды чрезмерно сбрасывали со счетов уникальную глубину и широту американских рынков капитала, благодаря которым страны готовы держать доллары, роль Европы в валютных делах и Международном валютном фонде практически сравнялась с американской. Размеры и влияние европейского рынка привели к тому, что американские компании, желающие осуществить слияние, вынуждены получать разрешение не только от Европейской комиссии, но и от Министерства юстиции США, как это сделала GE в 2001 г., когда ЕС отклонил ее предложение о поглощении Honeywell. А в эпоху Интернета американские политики заботятся о том, чтобы американская практика не противоречила европейским нормам защиты конфиденциальности информации: «Хотите вы этого или нет, но ЕС устанавливает стандарты защиты конфиденциальности для всего остального мира». Короче говоря, к лучшему или к худшему, но Европа может стать равной Америке по силе.

В то же время Европа сталкивается со значительными ограничениями в степени своего единства. Несмотря на пятидесятилетнюю интеграцию, национальная идентичность остается сильнее общеевропейской, а национальные интересы, хотя и приглушенные по сравнению

с прошлым, все еще имеют значение. В течение многих лет интеграция осуществлялась на основе франко-германского сотрудничества. Европа была для Германии (с учетом ее истории) одновременно и целью, и заменой более напористой внешней политики. Для Франции не существовало противоречий между Европой и напористой французской внешней политикой до тех пор, пока у нее была «в кармане» Германия. По мере того как Германия росла после воссоединения, проводила более «нормальную» внешнюю политику и настаивала на большем весе при голосовании по европейским вопросам, отношение французов к институтам ЕС становилось все более осторожным. Как сказал премьер-министр Франции Лионель Жоспен, «я хочу в Европу, но я остаюсь привязанным к своей нации. Сделать Европу, не отменяя Францию или любую другую европейскую нацию, – вот мой политический выбор». Более того, продолжающееся расширение Европейского Союза за счет жителей Центральной Европы означает, что европейские институты, скорее всего, останутся *sui generis*, но скорее конфедеративными, чем федеративными. Перспективы создания сильной федеративной Европы, возможно, исчезли, когда первоначальные шесть стран согласились на расширение, включающее Великобританию и часть Скандинавии. Вопрос о том, превращается ли ЕС в государство, лаконично резюмирует гарвардский политолог Ан-Дрю Моравскик: «Большинство информированных наблюдателей предпочитают говорить о «постмодернистском государстве», в котором ЕС правит не вместо национальных правительств, а рядом с ними».

Все это не означает умаления значения европейских институтов и того, чего они достигли. Правовая интеграция растет, решения Европейского суда заставляют страны-члены менять практику, а количество дел, рассматриваемых судом, увеличивается на 10 % в год. С другой стороны, интеграция законодательной и исполнительной власти отстает. Европейский парламент играет полезную, но ограниченную роль, а явка на его выборы ниже, чем на выборы в национальные органы власти. Когда в декабре 2000 г. пятнадцать стран-членов провели в Ницце саммит, посвященный реорганизации институтов и подготовке к возможному вступлению двенадцати новых стран, они не пожелали укрепить Европейскую комиссию и парламент. В то время как голосование по принципу «большинства» было распространено на дополнительные вопросы торговли, на налоговую политику и политику социального обеспечения по-прежнему распространялось право национального вето.

Особенно много споров вызвала интеграция внешней и оборонной политики. В 1999 году в ЕС была введена должность высокопоставленного чиновника для координации внешней политики, а также достигнута договоренность о создании шестидесятитысячной группировки войск для вмешательства в кризисные ситуации с необходимым командным составом, разведкой и полномочиями по принятию решений. Однако стремление Франции создать независимую структуру планирования сил, которая дублировала бы возможности НАТО, не было принято. Другие европейские страны хотели быть уверенными в том, что новые силы не приведут к ослаблению НАТО и американских обязательств перед Евросоюзом. Идея создания скромных европейских сил, «отделяемых, но не обособляемых» от НАТО, на самом деле могла бы укрепить альянс, позволив лучше распределять нагрузку за счет расширения возможностей Европы по урегулированию мелких внутриевропейских конфликтов. Некоторые представители американских оборонных ведомств скептически отнеслись к новым силам, но даже отношение французов было неоднозначным. Как отметил Карл Кайзер, немецкий политолог, «первыми, кто закричит, если американские войска уйдут из Германии, будут французы, поскольку они все еще опасаются гегемонии Германии».

Другой ключевой фактор, определяющий, станет ли ЕС глобальным соперником США, зависит от характера связей между странами Атлантического океана. Некоторые прогнозируют постепенное разрушение связей. Стивен Гарвард Уолт называет три серьезные причины: отсутствие общей угрозы снижает сплоченность альянса; США сейчас торгуют с Азией в полтора раза больше, чем с Европой; растут культурные различия между элитами по обе стороны

Атлантики по мере смены поколений. По словам одного итальянского редактора, «коллективное опасение в отношении США кажется единственным клеем, который связывает европейцев вместе. Язвительные рассказы о смертной казни, расстрелах в школах, немилосердном рынке и недостатке благосостояния – все это можно найти в европейской прессе. Пересеките океан – и вы прочтете о европейской геронтократии, высокой безработице и очень низком оборонном бюджете. Нет никаких признаков формирования сообщества между двумя образованиями, которые мир упорно называет Западом».

С другой стороны, сообщения о трансатлантических разногласиях часто преувеличиваются. Десятилетие назад некоторые реалисты заявляли, что с НАТО покончено. Они предсказывали, что Германия ослабит свои связи с Евросоюзом и пойдет на союз с Россией. Лорд Исмей, первый генеральный секретарь альянса, знаменито сказал, что цель НАТО – «держать американцев внутри, русских снаружи, а немцев внизу». Сегодня НАТО по-прежнему служит страховкой от превращения России в авторитарную угрозу, обеспечивает интеграцию Германии в более широкую оборонную сферу, которая нравится самим немцам, и остается популярной институциональной связью с Европой в США. Кроме того, НАТО обеспечивает страховку от новых угроз на Балканах, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, которые не под силу Европейским силам быстрого реагирования. Как полагает *The Economist*, не исключено, что «примерно к 2030 году и Европа, и Америка будут испытывать одинаковые проблемы с какой-то другой частью мира». В качестве вероятных субъектов называются Россия, Китай и мусульманская Юго-Западная Азия. В то же время такие прогнозы могут быть нарушены неправильной американской политикой, которая не справляется с отношениями с Россией, вызывая антагонизм у европейцев. После сентября 2001 г. отношения с Россией улучшились в контексте коалиции по борьбе с терроризмом. «Хотя значение России для европейских правительств будет уменьшаться, они будут использовать отношение США к России как барометр того, насколько хорошо или плохо Вашингтон осуществляет руководство и защищает европейские интересы».

Экономический развод также маловероятен. Новые технологии, гибкость рынков труда, мощный венчурный капитал и культура предпринимательства делают американский рынок привлекательным для европейских инвесторов. Прямые инвестиции в обоих направлениях выше, чем в Азии, и способствуют сближению экономик. Почти треть торговли осуществляется в рамках транснациональных корпораций. Более того, хотя торговля неизбежно вызывает определенные трения во внутренней политике демократических стран, это игра, из которой обе стороны могут извлечь выгоду, если проявят желание сотрудничать, а американо-европейская торговля более сбалансирована, чем торговля США с Азией. Хотя конфликты по вопросам экономической политики и необходимость компромисса будут иметь место, Европа вряд ли сможет диктовать Соединенным Штатам. Сохраняющаяся жесткость рынка труда и государственное регулирование будут препятствовать реструктуризации, перепрофилированию и стратегиям реинвестирования. Европа будет отставать от США в развитии предпринимательства и инноваций, поскольку правительства будут искать способы сбалансировать поощрение этих факторов с социальными последствиями. Таким образом, по прогнозам Национального разведывательного совета, Европа не достигнет в полной мере «мечты о паритете с США в качестве формирователя мировой экономической системы». Совместное функционирование будет продолжаться, хотя, опять же, многое будет зависеть от отказа от жесткой политики.

На культурном уровне американцы и европейцы на протяжении более чем двух столетий то огрызались, то восхищались друг другом. При всех претензиях к McDonald's никто не заставляет французов (и других европейцев) есть в нем, хотя миллионы людей ежегодно это делают. В некотором смысле неизбежные трения свидетельствуют скорее о близости, чем о дистанции. По словам Карстена Фойгта, одного из ведущих немецких политиков, «по мере слияния наших обществ различие между внешней и внутренней политикой стирается. Именно

поэтому на поверхность всплывают такие эмоциональные вопросы, как генетически измененные продукты питания или отношение к детям при международных разводах». В некотором смысле внешняя политика была проще, когда она имела дело с интересами, а не с эмоциями и моралью». Однако верно и то, что американские потребители могут выиграть от усилий Европы по повышению стандартов в антимонопольных делах или в области конфиденциальности в Интернете. И в более широком смысле американцы и европейцы разделяют ценности демократии и прав человека более основательно, чем жители любого другого региона мира. Как писал посол Роберт Блэквилл, на самом глубоком уровне ни США, ни Европа не угрожают жизненно важным или важным интересам другой стороны.

Будут ли преобладать эти глубинные ценности или поверхностные трения, сопровождающие культурные изменения в компании, во многом зависит от того, как Соединенные Штаты будут играть свою роль. Несмотря на озабоченность и единство, проявленные многими европейцами после террористических актов в США в сентябре 2001 г. – французская газета *Le Monde*, часто критикующая американскую политику, провозгласила: «Мы все американцы», – многие европейские друзья Америки продолжают испытывать беспокойство по поводу недавнего поведения США. Призрак американского изоляционизма, преследовавший Европу в годы холодной войны, сменился призраком американской односторонности. «Преобладает мнение, что Соединенные Штаты все чаще склонны проводить одностороннюю политику, не учитывая интересы и точки зрения других стран, как будто США путают свои национальные интересы с глобальными интересами». Такие трения скорее приведут к отдалению друг от друга, чем к резкому разводу, который создаст враждебного соперника, но потери, тем не менее, будут велики. Мало того, что европейцы будут чаще вступать в сговор, чтобы сорвать американские политические цели, США потеряют важные возможности для сотрудничества в решении глобальных проблем, таких как терроризм, и лучшего партнера по продвижению ценностей демократии и прав человека. Европа – это та часть мира, которая наиболее близка нам по базовым ценностям. По словам Сэмюэля Хантингтона, «здоровое сотрудничество с Европой – это главное противоядие от одиночества американской сверхдержавы». Американская односторонность, возможно, и не приведет к появлению враждебного европейского противника в военном смысле, но она, несомненно, сократит некоторые из наших лучших возможностей для дружбы и партнерства.

Распределение власти в глобальную информационную эпоху

Насколько велика диспропорция между нашей мощью и мощью остального мира? Если говорить о военной мощи, то мы являемся единственной страной, обладающей как ядерным оружием, так и обычными вооруженными силами глобального действия. Наши военные расходы больше, чем у следующих восьми стран вместе взятых, и мы лидируем в информационной «революции в военном деле».

В экономическом плане наша доля в мировом продукте составляет 27 %, что (в рыночных ценах) равно доле трех следующих стран вместе взятых (Япония, Германия, Франция). Из 500 крупнейших мировых компаний, включенных в список *Financial Times*, 219 были американскими, 158 – европейскими и 77 – японскими. Что касается прямых иностранных инвестиций, то мы вложили и получили почти вдвое больше, чем следующая по величине страна (Великобритания), и на нас приходится половина из десяти крупнейших инвестиционных банков. Объем американской электронной коммерции в три раза превысил европейский, и мы являемся родиной семи из десяти крупнейших производителей программного обеспечения. Сорок два из семидесяти пяти лучших брендов были американскими, как и девять из десяти лучших бизнес-школ. Что касается «мягкой силы», то США занимают первое место в мире по экспорту кино и телевидения, хотя индийский «Болливуд» производит больше фильмов в год.

Мы также ежегодно привлекаем больше всего иностранных студентов в наши высшие учебные заведения, за нами следуют Великобритания и Австралия. Помимо студентов, в 2000 г. в американских учебных заведениях находилось более 500 тыс. иностранных ученых. По словам газеты Financial Times, «США являются доминирующей экономической моделью для остального развитого и большей части развивающегося мира».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.